

Б. А. Спасенников

**Доктор медицинских наук, доктор юридических наук, профессор,
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия**

Ломоносов и Архангельск¹

В статье обсуждаются отдельные события из детства и юности Михаила Васильевича Ломоносова, выдвигается авторская гипотеза о посещении им Архангельска. Автор раскрывает понятие поморов. Описывается история памятника М. В. Ломоносова в Архангельске. Рассматривается обоснование использования имени М. В. Ломоносова в названии одной из образовательных организаций города Архангельска.

Ключевые слова: Ломоносов, Архангельск, поморы, история, история науки.

Автору, будучи депутатом Архангельской областной Думы, пришлось участвовать в голосовании предложения губернатора Архангельской области о присвоения имени Михаила Васильевича Ломоносова одной из создаваемых образовательных организаций города Архангельска – САФУ. Голосование по этому вопросу в областной Думе было единогласным, никто из депутатов не возражал. Однако в момент голосования автор нажимал кнопку «За» с определенным внутренним сомнением. С тех пор прошло уже много лет, данная образовательная организация создана и носит присвоенное ей имя этого ученого, однако сомнения в правильности этого голосования нас не покидают.

Биография человека, российского ученого, полимата, известного как Михаил Васильевич Ломоносов, три столетия вызывает историко-научный интерес [1; 2; 3]. Истину о нем, его настоящей биографии, к сожалению, мы уже никогда не узнаем.

Согласно официальной биографии М.В. Ломоносова, он родился 8 [19] ноября 1711 года в деревне Мишанинская Двинского уезда Архангельской губернии Российской империи (ныне – Холмогорский район Архангельской области России). Вероятно, мы не знаем настоящую дату рождения М.В. Ломоносова, так как каких-либо документальных подтверждений этой даты нет. Вышеуказанная дата, как наиболее вероятная, была введена в научный обиход лишь в конце XIX века. Остается загадкой, знаем ли мы настоящее место его рождения. Либо это очередное предположение, лишь связанное с деревней, где Михаил провел свое детство. Возможно, он родился в другом месте (например, «на берегах Невы»), а на север был увезен, будучи малолетним ребенком, как, например, свергнутый российский государь, Иван VI Антонович, который в младенческом возрасте был отправлен в пожизненную ссылку в те же Холмогоры. В России до середины XIX века господский обычай выдавать замуж беременную или родившую ребенка горничную, служанку, крестьянку за какого-нибудь одинокого или вдовствующего крестьянина было делом повседневным, обыденным, рутинным. Бастард получал отчество и фамилию крестьянина, а крестьянин – приданое, подчас существенно большее, чем за обычную деревенскую девушку.

¹ Статья посвящена 90-летию со дня рождения выдающегося ученого-историка, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Геннадия Степановича Щурова, автора фундаментального издания «Культура Русского Севера» и многих других книг, посвященных истории и культуре Русского Севера. Профессор Г.С. Щуров прочитал самую первую лекцию (по учебной дисциплине «История России») для студентов самого первого курса «Института управления», когда МИУ был создан в Архангельске и находился на возглавляемой профессором Г. С. Щуровым кафедре истории СГМУ.

По каким-то неизвестным (или, наоборот, понятным) причинам М.В. Ломоносов, официально считаясь историком, создателем анти-норманской теории, не опубликовал при своей жизни ни автобиографии, ни мемуаров, ни документов, по которым можно было бы восстановить факты его происхождения, времени и места рождения, детства и юности (на другой день после его смерти библиотека, рукописи, бумаги, документы, весь иной архив ученого по императорской воле были изъяты и бесследно исчезли. Вероятно, все было сразу же уничтожено, чтобы сохранить лишь официальную, одобренную свыше его биографию).

По своему официально-биографическому происхождению Михаил Ломоносов относился к государственным крестьянам. Согласно финансовой (податной) реформе Петра I, проводимой с 1718 по 1724 год, с целью устранения дефицита государственного бюджета Российской империи, произошло окончательное прикрепление крестьян к земле, хотя к государственным крестьянам это относилось в меньшей степени. На это указывают и показания М.В. Ломоносова, данные им на допросе 4 сентября 1734 года в канцелярии Синоидального правления, где он заявляет, что «тот-де его отец ... положен в подушный оклад» (следует отметить, что никем не опровергается факт того, что матерью Михаила была Елена Ивановна Сивкова (после замужества – Ломоносова). Ее красота, возможно, на какое-то время увлекла Петра I, когда архангельские купцы, вероятно, привезли ему юную Елену в конце 1710-начале 1711 года для «услады»³).

Якобы с десяти лет Михаил вместе с Василием Дорофеевичем ходил рыбачить на двухмачтовой шхуне отца по Северной Двине, Белому морю, от своей деревни до Соловецких островов и дальше. Зачем крестьянину, живущему в деревне за 110 км от Белого моря, судно для морского промысла, которое должно плавать (работать) всю недолгую беломорскую

навигацию? Или, иначе, зачем, имея двухмачтовый парусник для морского промысла, крестьянствовать за 110 километров от Белого моря? Архангелогородцу, который знает Северную Двину и Белое море, сложно дать ответы на эти простые вопросы. Единственная гипотеза автора заключается в том, что шхуна могла быть частью приданного, которое В.Д. Ломоносов получил вместе со своей невестой и ее ребенком. Кто в России XVIII века любил парусники и мог подарить двухмачтовое судно с парусами и иным полным такелажем в качестве приданого, предположить несложно.

В последующем появятся безосновательные рассуждения о том, что В.Д. Ломоносов и якобы его сын являлись поморами, о чем сам Михаил Васильевич никогда не упоминал. Каких-либо документов, публикаций в которых М.В. Ломоносов именовал бы себя или своих родственников поморами, нет. Возможно, М.В. Ломоносов вообще не знал этого слова, так как оно стало употребляться, вероятно, лишь в конце XVIII века, после его смерти. Исследователем, который впервые назвал М.В. Ломоносова помором был историк науки В.И. Ламанский, который в 1863 году, то есть через 150 лет после рождения М. Ломоносова, издал его «биографию», существенно повлиявшую на последующее развитие «ломоносоведения». При этом В.И. Ламанский не был специалистом по истории и культуре Русского Севера, он изучал историю Российской академии наук.

Поморами исходно называли жителей Поморского берега, то есть западного берега Белого моря от города Онеги до города Кеми. Позже к поморам стали относить проживающих по всему побережью Белого и Баренцева морей, а также в устье, дельте, месте впадения рек (Мезень, Печора, Онега, Северная Двина) в море. Отдельных архангелогородцев, живущих исключительно морским промыслом, тоже можно назвать поморами. Жителей же деревни Мишанинская, где до Белого моря (по Северной Двине) свыше 110 километров, называть поморами, мягко говоря, необоснованно (иначе говоря, жителей города Малоярославец Калужской области, необоснованно называть москвичами с учетом аналогичного расстояния между Москвой и Малоярославцем). Впрочем, откуда В.И. Ламанскому и прочим «ломоносоведам» об этом знать. В официальной биографии М.В. Ломоносова, иных публикациях, отсутствуют сведения о том, что Михаил Васи-

³ Елена, простодушная сирота из Архангельской губернии, вероятно, не смогла обольстить Петра так, как это сделала, служанка Марта Скаврнская (Крузе), имевшая существенно больший жизненный опыт. Марта позже стала императрицей Екатериной I, а Елена через десять лет скончалась в деревне, выданная замуж за крестьянина, внезапно разбогатевшего после женитьбы. Если бы Елена оказалась сметливее Марты, то, возможно, стала бы императрицей Еленой I, а история Российской Империи пошла бы совсем по другому пути.

Нужно сказать и о том, что «ломоносоведы» активно пытаются отрицать саму встречу Петра I и Елены.

льевич Ломоносов когда-либо бывал в губернском городе Архангельске. Автор, будучи коренным архангелогородцем, может лишь предположить, что, если Михаил действительно ходил на шхуне рыбачить на Белое море, то она могла причаливать и в архангельском порту, который тянулся на протяжении нескольких километров по берегу Северной Двины вдоль всего города. Если это так, то можно сделать и второе предположение, что Михаил, возможно, когда-то сходил с борта судна, то есть бывал с отцом в Архангельске где-то дальше причала. Но, это лишь предположения автора, знающего Русский Север. Повторим, что официальное «ломоносоведение» вообще не упоминает о посещении Ломоносовым Архангельска. Вероятно, это связано и с тем, что официальные «ломоносоведы» плохо знают, что такое переход на двухмачтовом парусном судне с грузом по Северной Двине от Белого моря до Двинского уезда (вверх по реке, против течения), что такое рыболовецкий и иной морской промысел, которым начал заниматься Василий Дорофеевич Ломоносов после столь удачной женитьбы.

Главное то, что автор и «ломоносоведы» едины в том, что человек, известный как Михаил Васильевич Ломоносов, никогда не проживал, не учился, не работал в городе Архангельске. Иначе говоря, никакого отношения Михаил Васильевич Ломоносов к городу Архангельску, его образовательным учреждениям, не имел.

Далее, из официальной биографии следует, что 7 декабря 1730 года, то есть спустя несколько лет после завершения податной реформы, когда «прикрепление» к земле весьма строго исполнялось, 19-летний крестьянин Михаил Ломоносов вдруг получает паспорт в Холмогорской воеводской канцелярии (кстати, точную дату рождения Михаила мы не знаем, но знаем дату получения паспорта). Правовые (и иные) основания для такого исключительного решения И.В. Милюкова, управлявшего тогда в Холмогорах земскими делами, по отношению к государеву крестьянину, не понятны. Получение паспорта в то время являлось, по существу, аналогом получения права на свободу передвижения для лица, являющегося государственным крестьянином, прикрепленным к земле, к «подушному окладу».

Сложно представить, что человек, именуемый отцом М.В. Ломоносова (из материа-

лов допроса от 4 сентября 1734 года: «Тот-де его отец и поныне в той деревне обретается»), ничего не знал о получении сыном паспорта. Бюрократический порядок получения паспорта для государственного крестьянина был весьма непрост и длителен. Для этого Михаилу, вероятно, несколько раз приходилось ездить в Холмогорскую воеводскую канцелярию, о чем семья, да и соседи, не могли не знать. Кто и почему ходатайствовал (распорядился) о выдаче паспорта юноше из «низшего сословия» неизвестно (вспомним, что 19 [30] января 1730 года закончилось недолгое царствование Петра II. Императрица Анна Иоанновна (племянница Петра I, его крестница, которая была последней чистокровной русской императрицей по линии отца и матери) была коронована в Москве 28 апреля [9 мая] 1730 года. Летом и осенью того же года некоторые из придворных усилились, другие, напротив, потеряли свое влияние (князя Долгорукие, князя Голицыны и др.), происходило появление новых «групп влияния» при дворе. Вспомнили и о тех, кто ранее был удален из столиц по тем или иным причинам. Положение Анны изначально было весьма неустойчивым, так как она не имела собственной «партии». Мы считаем необоснованной гипотезу о том, что при Анне Иоанновне, чья собственная судьба действительно была очень непростой уже с 17-лет, были приближены ко двору некоторые бастарды Петра Великого, «имена коих вам не ведомы», дабы «послужить Отечеству». Более правдоподобна иная, противоположная версия, согласно которой Анна Иоанновна и ее окружение с подозрением и неприязнью относились к Михаилу, официально объявленному «сыном рыбака», но называющего себя то сыном дворянина, то сыном священнослужителя, что, вероятно, предопределило его последующий отъезд (бегство) за границу «на учебу». Добавим, что допрос 4 сентября 1734 года в канцелярии Синодального правления был вызван тем, что Михаил назвал себя сыном священнослужителя. По непонятным (или, напротив, по понятным) причинам наказание Михаилу за такое неправомерное деяние («самозванство») не последовало. Кстати, в «полуопале» в то время находилась также дочь Петра I и Екатерины I (Марты Скавронской), Елизавета Петровна, будущая императрица, которая позже приблизит Михаила «ко двору»). Если упоминание о том, что Михаил Ломоносов ночью 15 декабря,

через неделю после получения паспорта, тайно ушел из дома, никого не известив, соответствует действительности, то оно показывает, что каких-либо родственных чувств к Василию Дорофеевичу Ломоносову, которого он называл человеком добрым, но «в крайнем невежестве воспитанным», Михаил не питал (весьма странная характеристика тому человеку, кем он был выращен и воспитан).

И еще один вопрос, откуда у якобы сына В.Д. Ломоносова, «в крайнем невежестве воспитанного», появились, по мнению Н.М. Карамзина, «пламенное воображение, красноречие и вдохновенное стихотворство»? Откуда такой генофонд, определивший личностные особенности и научные способности М.В. Ломоносова, если не принимать во внимание вышеуказанную гипотезу, что Михаил был бастардом от иного, более известного своим интеллектом и способностями, отца? Согласно недавним исследованиям коллег из Сеченовского университета, для Петра I, имевшего выдающиеся способности, характерен высокий уровень интеллекта и у его близких родственников. В этом случае становится понятен и генезис высокого интеллектуального потенциала Михаила. Добавим, что для Петра I и Михаила были характерны повышенная вспыльчивость, гневливость и другие генетически обусловленные особенности личности. Не забываем и о том, что Петр I и Михаил, отличались высоким ростом.

В официальной биографии М.В. Ломоносова много говорится о том, что он «ушел с рыбным обозом в Москву». Даже среди тех, кто знает Русский Север того времени, к сожалению, никто не задается вопросом, почему юноша не пошел в губернский город Архангельск, почему он пошел в Москву? Деревенские жители Архангельской губернии ежегодно уходили на работу, «в люди», на учебу в Архангельск, который ранее Петр I, неоднократно бывавший в Архангельске, даже рассматривал как возможную новую столицу вместо Москвы. В Архангельск уходили и земляки Ломоносова – жители Двинского уезда. По Северной Двине, мимо Архангельска, Ломоносов ходил с отцом на шхуне на Белое море. Он знал про этот большой портовый город. От деревеньки, где жил Михаил Ломоносов, до Архангельска было около 80 километров, а до Москвы – 1170. Куда юноше «тайно» уйти ближе и проще? В Архангельске можно было

получить хорошее образование в «Славено-русской школе» (позже – Архангельская духовная семинария), под руководством Гедеона Одорского, «ректора школ Архангелогородских», в прошлом ректора известной Киево-Могилянской академии (в Архангельске энергичному человеку можно было дослужиться и до баронского достоинства, что успешно сделали, например, Осип, Дмитрий и Афанасий Алексеевичи Соловьёвы, которые в это звание были возведены 1 января 1727 года Екатериной I). Или почему Михаил Ломоносов по дороге не остался в другом губернском городе Ярославле, одном из четырех-пяти крупнейших городов по величине и торговому обороту в России того времени? Кто или что так влекло его в Москву? 25 декабря 1730 года в Москве зажгли первые уличные фонари. Но, полагаем, не эти чудеса освещения в столице влекли Михаила. Иначе говоря, кто и почему вызвал его в Москву, где для Михаила, вероятно, уже было подготовлено место в Славяно-греко-латинской академии? Ответ на этот вопрос, вероятно, мы никогда не узнаем.

И еще один вопрос, которым не задаются многие «ломоносоведы». Никто не посмеет заподозрить 19-летнего Михаила Ломоносова, уже знающего арифметику и грамматику, в глупости, неразумности. Нам следует поверить в то, что Михаил ушел ночью из родительского дома «в московский поход» с загодя полученным паспортом, но без денег? Своих средств государственный крестьянин, живущий в родительском доме, не мог иметь в достаточной сумме. Кто финансировал поход М.В. Ломоносова? «Невежественный» отец, который якобы не знал, что сын тайно готовит побег? Как и чем питался 19-летний физически крепкий юноша в долгой и трудной зимней дороге до Москвы? Обоснованного ответа многочисленные исследователи нам не дают (существует байка о том, что Михаил Ломоносов «занял у соседа Фомы Шубного три рубля денег»). Эта байка опубликована «ломоносоведом», называющим семью Ломоносовых «поморами», что, на наш взгляд, исключает компетентность этого специалиста. Эта сумма заведомо была слишком велика, избыточна по меркам того времени (на одну копейку можно было купить 300 грамм говядины, то есть на рубль – 30 кг, а на три рубля – до 100 кг говядины). Таковую большую сумму сосед не дал бы в долг, без ведома родителей, 19-летнему

соседскому юноше, который живет в родительском доме, но планирует «тайно» бежать. Исследователи, повторяющие байку про «три рубля», вероятно, не знакомы с финансово-денежной системой России того времени. Байка про «три рубля» очень часто встречается в самых разных, причудливых «сказаниях» времен от Ивана Грозного до Николая II, хотя покупная способность одной копейки (одного рубля) в те или иные века была весьма и весьма различной.

Те же исследователи, помимо байки про «три рубля», пишут, что до Антониево-Сийского монастыря, где он «догнал обоз», Михаил якобы шел 3 дня (почему сказочники так любят цифру Три (3)? «3 рубля», «3 дня»? Вспомним и «Три богатыря», «Три толстяка», «Три мушкетера», «Три девицы под окном...»). Эти «ломоносоведы», вероятно, не были в Антониево-Сийском монастыре (либо были там проездом на экскурсии «по Ломоносовским местам»). Поэтому они не знают, что 19-летний юноша неспешно пройдет это расстояние за два дня с необходимым отдыхом, обедом и ночлегом.

Известная картина «Юноша Ломоносов на пути в Москву» (1951) очень далека от реальности (строго говоря эта картина – дипломный проект по окончании художественного училища (1948) Николая Ивановича Кислякова, уроженца Холмогорского уезда Архангельской области, который начинал свой жизненный путь учителем рисования сельской школы в том же уезде (районе), где была расположена и деревня Мишанинская). То есть картина, опубликованная в учебниках по истории огромным тиражом, многочисленных книгах о М.В. Ломоносове, сформировавшая представление у десятков миллионов людей, что Михаил Ломоносов пешком шел за обозом, лишь творческое представление начинающего художника о своем земляке.

Вероятно, поездка Михаила в обозе была заказана и оплачена тем, кто вызвал его в Москву, что совсем не вписывалось в официальное советское изобразительное искусство сталинского и более позднего времени. В этой статье не будем подробно разбирать прочие несуразицы в описаниях того долгого пути в Москву⁴, чтобы не отвлекаться от главного во-

проса, сформулированного в этой статье. Итак, автор и официальные «ломоносоведы» едины в том, что Михаил Васильевич Ломоносов, ушел из дома в 19-летнем возрасте и никогда более не возвращался на свою «малую родину», то есть никаких чувств ни к Двинскому уезду, ни к Архангельской губернии, он не имел. Ничего для развития родного края, своей малой родины он так и не сделал.

Согласился бы Михаил Ломоносов с тем, что его именем называют какую-то образовательную организацию в Архангельске? Этот вопрос задавал себе автор, нажимая кнопку «За», тем самым поддерживая инициативу новоявленного губернатора Архангельской области, который в своем первом же тосте на губернаторском приеме (где автор был обязан присутствовать) сообщил архангельскому бомонду, что счастлив стать губернатором «Астраханской» области, чем вызвал улыбки присутствующих (кто из архангелогородцев сегодня вспомнит имя этого губернатора «временщика»). При этом Михаил Ломоносов, вероятно, согласился бы с предоставлением своего имени Московскому университету, проект которого был создан при его участии. Повторим, из официальной биографии ученого следует, что никакой связи с Архангельском у него нет. Никаких чувств он к Архангельску не питал, осознанно уйдя в 19-летнем возрасте в противоположную, московскую сторону, никогда более в якобы родные края не возвращаясь.

В конце первой-начале второй недели января 1731 года М.В. Ломоносов появляется в Москве и уже через несколько дней, 15 января, посреди учебного года, зачисляется на учебу в первое в России высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинскую академию, где учиться то ли до 1734, то ли до 1735 года. Эту Академию не принято называть университетом, но как ее еще нам называть, если в словаре «Русская философия», вышедшем в свет в 1995 году, ее определяют как «первое в России общеобразовательное высшее учебное заведение и первый учебный центр русской философской культуры». В Академии преподавали богословие, латинский и древнегреческий языки, риторика, историю, стихосложение и различные

⁴ Путь, проложенный М.В. Ломоносовым, стал «дорогой в жизнь» для многих жителей Архангельской области, которые позже отправлялись «на учебу» и работу в Москву.

Во второй половине 80-х годов автор преодолел путь от Антониево-Сийского монастыря до Москвы на машине за 14 часов, когда учился в аспирантуре 2 МОЛГМИ (ныне – РНИМУ) имени Н.И. Пирогова.

философские курсы. Об уровне образования, которое давалось в Академии, можно судить по перечню некоторых философов, с учением которых знакомились студенты: Платон, Аристотель, Аверроэс, Фома Аквинский, Декарт. Из стен Академии выходили церковные деятели, государственные чиновники, деятели культуры, учителя для школ, училищ и др. [1]. Сам М.В. Ломоносов называл этот университет «Спасские школы» (в 1812 году Академия была закрыта, архивы ее сгорели в известном московском пожаре. Через две сотни лет, в 2010 году в Басманном районе Москвы (в бывшей Немецкой слободе) была открыта автономная некоммерческая организация высшего образования «Славяно-Греко-Латинская Академия», провозгласившая себя «первым ВУЗом России». Ректорат и научно-педагогический коллектив этой «Академии» не знают, что слово «вуз» пишется строчными буквами по правилам обычных существительных. Даже в самом названии ошибки с прописными буквами. O tempora, o mores! © Marcus T. Cicero, декабрь 63 года до н. э.).

Следующий финансово-правовой вопрос состоит в том, кто «спонсировал» проживание Михаила Ломоносова в первые дни пребывания в Москве? Кто помогал «безродному» юноше из далекой северной деревни, лишь неделю назад пришедшему в Москву, быстро собрать и подать документы в известное учебное заведение, открытое преимущественно для детей дворян и духовенства? Какие документы об образовании были у Михаила, который под руководством дьячка местной Дмитровской церкви С.Н. Сабельникова прочитал лишь «Граматику» М. Смотрицкого, «Арифметику» Л. Магницкого и «Псалтырь рифмования» С. Полоцкого? Кто и на основании чего ходатайствовал (рекомендовал) принять его, «самоучку» для поступления и обучения в Академии без вступительных экзаменов? Порядки в Академии в то время были весьма формализованы и строги. На каком правовом основании Михаил Ломоносов был моментально принят в класс пиитики? Ответы и на эти вопросы мы также никогда не узнаем.

Повторим, что не вполне понятно, по каким документам и на каких правовых основаниях Михаил туда поступил. Некоторые исследователи пишут, что Ломоносов как-то, где-то получил какой-то документ о своем дворянском происхождении, что также ставит

под сомнение отцовство Василия Дорощеевича Ломоносова, то есть Михаил, вероятно, должен был иметь другую фамилию и отчество, что сразу бы сняло все неразгаданные вопросы о легком получении им паспорта, его финансовых и организационно-правовых возможностях, поступлении в академию, а главное, дало бы медико-генетический ответ на вопрос о происхождении столь «живого ума» и особой доброжелательности к нему царственных персон, а также его собственного пиетета к царственным особам. И стал бы понятен таинственный юмор Н.М. Карамзина в «Пантеоне российских авторов» о происхождении Ломоносова: «Рожденный под хладным небом северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом русского красноречия и вдохновенного стихотворства» (про «хладное небо северной России» тогда писали о Санкт-Петербурге, построенном к северо-западу от Москвы. Ирония и про «бедного рыбака», имевшего двухмачтовую морскую шхуну и искусственный пруд для рыборазведения). Стал бы понятным и строгий «приговор» «одам и похвальным словам» М.В. Ломоносова со стороны А.С. Пушкина, не питавшего по известным причинам пиетета к царствующим особам, что послужило последовавшей жесткой, уничижительной критике произведений М.В. Ломоносова со стороны некоторых любителей произведений великого поэта и ряда «пушкинovedов» (впрочем, возможно, что истинная причина недоброго отношения А.С. Пушкина к М.В. Ломоносову и его правнуку А.Н. Раевскому раскрывается в «Демоне»). Кстати, сам Александр Сергеевич Пушкин уже не узнал, что на лице его взрослеющей дочери окружающие будут видеть черты, присущие царствующей персоне из Императорского Дома Романовых, а также ту странную благосклонность к якобы дочери поэта со стороны некоторых европейских царствующих особ, которые, вероятно, знали (или догадывались), что не А.С. Пушкин был ее отцом (или А.С. Пушкин об этом догадывался изначально уже из первого в череде полученных им известных анонимных писем, которые позже привели к смертельной дуэли? Впрочем, все это может быть лишь гипотетическими рассуждениями, так как ДНК-тест на отцовство никто не проводил).

Автор полагает, что документ холмогорского дворянина Михаилу Ломоносову фабри-

ковать было не нужно, так как Славяно-греко-латинская академия в то время иногда принимала и детей из «низших классов» (дети крестьян). В плане образовательных норм того времени нас смущает лишь то, что Михаил Ломоносов не только по своему происхождению не вполне подходил к учебе среди детей дворян и духовенства, но и не подходил для поступления в силу своего возраста (19 лет). Повторим, совсем странным является зачисление Михаила Ломоносова на обучение в середине учебного года без вступительного «экзамена о знаниях». Возможно, столь стремительное поступление в академию, где его приход в Москву, вероятно, ожидали, показывает, что Михаил Ломоносов знал, почему и зачем он ехал именно в Москву, кто, что и почему его там ждет (некоторые исследователи связывают поход в Москву и столь успешное поступление в академию с протекцией князя Андрея Дионисьевича Мышецкого, что, вероятно, обычная конспирологическая гипотеза, которая уводит в сторону от истины).

Юность М.В. Ломоносова наполнена чередой таких сказочных, исключительных, невозможных событий для якобы простого крестьянского сына из дальней северной губернии.

Учеба М.В. Ломоносова в академии, на наш взгляд, была достаточно подробно описана богословом, филологом-славистом, профессором Г.А. Воскресенским.

В 1735 году Михаил Васильевич был отобран в числе лучших учеников класса философии «Спасской школы» для продолжения учебы в Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге – первом высшем научном учреждении Российской империи.

Отметим и то, что в Славяно-греко-латинской академии Михаил Ломоносов изучал латинский и греческий языки, а в Санкт-Петербурге преподавание велось на немецком языке, что на первых порах вызывало сложности в обучении (нужно добавить, что третий иностранный язык проще изучается. Многовековые причуды, нелепости российского образования в области иностранного языкознания описаны нами в предыдущем номере этого журнала). Позже, в 1736 году, Михаил Ломоносов был направлен в Марбургский, первый протестантский университет Германии, где обучался у немецкого ученого-энциклопедиста, философа, юриста и матема-

тика Христиана фон Вольфа, других немецких ученых, уже неплохо зная немецкий язык (повторим, что есть и версия о том, что Михаила срочно отправили за границу «на учебу», чтобы он оказался подальше от Анны Иоанновны и ее окружения).

Далее биография Михаила Васильевича Ломоносова описывается более подробно, содержит существенно меньше «темных» (или «белых») пятен.

В историко-научном аспекте следует упомянуть Г.Ф. Миллера, который в книге «Самые знаменитые историки России», назван вторым после В.Н. Татищева русским историком. Вероятно, Г.Ф. Миллер стал первым профессиональным историком России. И в качестве такового он содействовал первому изданию трехтомной «Истории Российской» В.Н. Татищева, не изданной при его жизни. В 1748 году Г.Ф. Миллер был назначен историографом России. Он написал диссертацию на тему «Происхождение народа и имени российского». В диссертации, опираясь на летописи, он писал о приглашении Рюрика на княжение. Но императрице Елизавете Петровне не понравилась идея о скандинавском происхождении Рюрика. Диссертацию Г.Ф. Миллера запретили печатать, ученый был даже понижен в должности. Елизавета Петровна, дочь Петра I и Екатерины I, поручила другому ученому написать иную версию происхождения Рюрика. Им и оказался профессор химии М.В. Ломоносов (имевший странное портретное сходство с самой Елизаветой Петровной), который в исторической науке стал считаться одним из создателей антинорманской теории. М.В. Ломоносов, не обладая необходимым знанием летописей, других исторических первоисточников, написал небольшую книгу с длинным названием, из которой происхождение Рюрика было не очень понятным читателю, но он якобы не был скандинавом или немцем. В книге химика М.В. Ломоносова, переквалифицировавшего в историка, Рюрик оказывался основателем не государства, а «самодержавства». Но самодержавия по обстоятельствам того времени (IX век), по известным реалиям общественного устройства новгородцев (и скандинавов) не могло быть. Для новгородцев того времени были характерны вечевые традиции. Но эти традиции новгородцев выбирать себе князей были названы М.В. Ломоносовым «необузданной вольницей» [1].

Очевидно, что выбор «нового специалиста по истории» для Елизаветы Петровны, дочери Петра I и Екатерины I (в прошлом – служанки Марты Скавронской), был весьма осознанным. Михаил Ломоносов, вероятно, в силу «темных» (или «белых») пятен в его происхождении и биографии, должен был выступить в поддержку Петра I и самодержавия, написать «правильную», по мнению Елизаветы Петровны, историю России. Дополним, что перед этим событием, и после него, М.В. Ломоносов писал хвалебные оды в честь каждого нового правителя России, даже в том случае, если предыдущего убивали по воле последующего, как это было с Петром III Федоровичем или Иваном VI Антоновичем⁵, убитыми по умыслу Екатерины II. И благодарная власть в ответ покровительствовала М.В. Ломоносову, превозносила его как великого ученого. Характерно, что А. Радищев в своем «Слове о Ломоносове» также прямо скажет, что М.В. Ломоносов восхвалял в своих одах правителей, которые заслуживали осуждения. А. Радищев вставит «Слово о Ломоносове» в свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», за которое поплатится свободой. Восхваление М.В. Ломоносовым самодержавия и деспотизма будет высоко оцениваться правителями нашей страны не только в XIX, но и в XX веке. Вероятно, поэтому в 1940 году И.В. Джугашвили (Сталин) решил присвоить имя М.В. Ломоносова Московскому университету (ранее, с 1932 по 1937 год, университет носил имя историка, выпускника историко-филологического факультета, академика Академии наук СССР Михаила Николаевича Покровского). Вместе с тем, автор убежден, что

⁵ В 1744 году Холмогоры были избраны местом окончательной ссылки семьи свергнутого российского императора Ивана VI Антоновича и всего «Брауншвейгского семейства». Ода М.В. Ломоносова, посвященная Ивану VI, была уничтожена вместе со всеми иными упоминаниями о малолетнем государе. Позже Иван VI якобы был убит при попытке освобождения. Очевидно, что Екатерина II, получившая власть в результате дворцового переворота, не могла допустить такого «освобождения». Мы согласны с версией о том, что Иван VI был просто убит по ее приказу, чтобы избавиться от потенциального претендента на престол. Некоторые любители конспирологии полагают, что по этой же причине ею позже был отравлен и сам М.В. Ломоносов. Эта версия кажется автору надуманной. М.В. Ломоносов не пользовался какой-либо поддержкой в армии, среди казаков или крестьян, то есть не имел никаких сил и средств для военного переворота. При жизни его никто не знал в России вне узкого круга ученых и сановников, которые не были способны на фронду.

имя М.В. Ломоносова вполне соответствует истории создания Московского университета (не мог же товарищ Сталин присвоить московскому университету имя его первого руководителя (куратора), соавтора М.В. Ломоносова в инициативе по созданию этого университета, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютанта, обер-камергера, действительного тайного советника, почетного члена Императорской академии наук, действительного члена Российской академии, одного из создателей Академического словаря Ивана Ивановича Шувалова. Для Сталина был «социально ближе» М.В. Ломоносов, имеющий официально-биографическое происхождение из «трудового крестьянства»).

Высокая оценка деятельности М.В. Ломоносова Императорским Домом за создание «правильной», антинорманской теории стала определяющей для тех, кто желал показать государю свою преданность. В 1825 году епископ Архангельский и Холмогорский Неофит инициировал создание памятника М.В. Ломоносову в Архангельске (епископ, вероятно, «запамятовал» сложные отношения Михаила Васильевича и Святейшего Синода («Гимн бороде» и соответствующий ответ Синода – обращение к императрице с жалобой на М.В. Ломоносова) при его жизни). Архангельский генерал-губернатор С.И. Миницков также решил продемонстрировать Императорскому Дому свою преданность, обратившись к императору Александру I через министра народного просвещения. Император милостиво одобрил верноподданническое ходатайство губернатора и выделил большую сумму денег из собственных средств на строительство памятника, который был создан в 1829 году при участии ректора Академии художеств И.П. Мартоса, который тоже продемонстрировал свою верность самодержавию. Он объяснял свое творение: «Вензелевое на лире имя государыни императрицы Елисаветы Петровны означает, что Ломоносов был певец счастливого её царствования» (нужно добавить, что время царствования Елизаветы Петровны было самым счастливым, «безоблачным» и для самого Михаила. Так случалось в отечественной истории, когда законнорожденные дети российских императоров/императриц благоволили к бастардам (незаконнорожденным детям) одного из своих царственных родителей. Например, Павел I и Алексей Бобринский). С лице-

вой стороны постамент был выгравирован надписью «ЛОМОНОСОВЪ 1829 ГОДА». Исходной задачей создания памятника было демонстрация верноподданнического рвения со стороны губернатора и епископа. При этом им было совершенно неважно, где и как памятник будет стоять. Император Николай I соизволил собственноручно указать место расположения памятника на плане Архангельска. 25 июня 1832 года состоялось торжественное открытие памятника, которое было «правильно» приурочено ко дню рождения Николая I (до этого дня памятник три года где-то хранился, перевозился, потом в Архангельске случилась эпидемия и было не до памятника). На открытии памятника в речах губернатора, архиерея восхвалялся император, и очень мало, как бы между прочим, упоминался сам М.В. Ломоносов. То есть все прошло в традиционном стиле для таких верноподданнических мероприятий. Место, которое император указал на карте города (и прозванное Ломоносовским лугом), оказалось неудачным, болотистым. За первые четыре года памятник просел в почву более чем на полтора метра.

Утопающий в архангельском болоте памятник М.В. Ломоносову вынудил архангельского губернатора С.П. Гагарина обратиться с ходатайством к императору Александру II о его переносе на другое место, ближе к зданию губернаторских присутственных мест. Он был вновь торжественно открыт 1 сентября 1867 года. Поэтому на тыльной стороне памятника прибавилась надпись – «ПЕРЕНЕСЕН 1867 ГОДА». Можно было бы задаться вопросом, зачем нужно разрешение российского Императора для переноса памятника на 320 метров в далеком от столиц северном городе? Это памятник таинственному бастарду из царствующего Дома Романовых или сыну крестьянина из Архангельской губернии? В чем была скрытая особенность М.В. Ломоносова для царствующих особ, помимо создания им антиноманской теории, которая сегодня опровергнута большинством ученых (прав, вероятно, оказался опальный Г.Ф. Миллер, изучавший летописи и другие исторические источники, в отличие от «историка» М.В. Ломоносова). В чем причина царского внимания и благосклонности к одному из очень многих известных российских ученых?

В 1930 году партийные и советские руководители Архангельской области решили, что

памятнику «певцу счастливого царствования государыни императрицы Елизаветы Петровны» у областного Дома Советов депутатов трудящихся не место [4]. Неприкаянный памятник вновь перенесли и установили у здания лесотехнического института. На тыльной стороне памятника прибавилась третья надпись о переносе – «и 1930 г.». Вместе с тем, по нашему мнению, новое место памятника М.В. Ломоносову в Архангельске стало более уместным, так как в лесотехническом институте, среди других факультетов, был и химикотехнологический. Памятник профессору химии М.В. Ломоносову стал любим студентами этого факультета.

Вероятно, более правильным было бы перенести этот памятник в Москву, куда раз и навсегда ушел 19-летний Михаил Ломоносов ночью 15 декабря 1730 года, установив его на территории МГУ или на Ломоносовском проспекте Москвы, который проходит от улицы Вавилова, параллельно Университетскому проспекту, до Мосфильмовской улицы. В этом была бы, по мнению автора, историческая справедливость. И возможность сохранить этот памятник, созданный в 1829 году, от пагубного влияния времени, была бы больше.

В завершение добавим, что на следующий день после смерти М.В. Ломоносова 4 [15] апреля 1765 года, якобы от «воспаления легких», его библиотека, рукописи, бумаги, документы, весь иной архив ученого были по приказанию Екатерины II изъяты генералом-фельдцейхмейстером, фаворитом императрицы Г.Г. Орловым и бесследно исчезли (вероятно, все было полностью уничтожено. Григорий Орлов считался отцом внебрачного сына императрицы, Алексея, поэтому в полной мере осознавал значимость поручения по изъятию и уничтожению архива). Уже тогда современники М.В. Ломоносова связывали изъятие документов с боязнью «выпустить в чужие руки» документы, рукописи и бумаги М.В. Ломоносова, которые могли бы дать ответы на некоторые из вопросов, сформулированных в этой статье. Дочь Михаила Васильевича, Елена Михайловна, была оставлена «при дворе». Для этого в 17 лет она была выдана замуж за одного из наиболее образованных людей России того времени, обрусевшего грека (как же в образовании и науке того времени без Греции, без культурного наследия Афин) Алексея Алексеевича Константинова, домашнего биб-

лиотекаря самой императрицы Екатерины II. Дочь Елены и Алексея Константиновых, Софью, выдали замуж за выдающего российского полководца, генерала от кавалерии, героя Бородинского сражения Николая Николаевича Раевского. Оставляем на усмотрение нашего читателя вопрос о том, взял бы Николай Раевский, представитель старинного дворянского рода, предки которого служили русским государям со времен Василия III (то есть с первой трети XVI века), в жены внучку безродного «архангельского мужика» из Холмогор? Или Раевские знали о Михаиле Ломоносове то, что выходило за рамки его официальной биографии? Кстати, Прасковья Ивановна Раевская (в замужестве Леонтьева) приходилась бабкой царице Наталье Кирилловне Нарышкиной – матери Петра I. То есть дворцовые секреты, которые не известны «ломоносоведам», не были тайной «за семью печатями» для рода Раевских. Нужно ли удивляться тому, что правнучки Михаила Ломоносова (Екатерина, Елена, Софья) сразу получили статус придворных фрейлин, так как являлись носителями знатной дворянской фамилии. Им, законнорожденным дворянкам, не пришлось повторять сложный путь своего прадеда, чтобы добраться до столицы.

Вернемся же к исходному вопросу нашей статьи. Согласился бы Михаил Васильевич Ломоносов с тем, что его именем называют какую-то образовательную организацию в Архангельске? Какое отношение к М.В. Ломоносову имеют архангельские педагогический и лесотехнический институты, позже объединенные в один университет. Прав ли был автор (и другие депутаты), когда поддержал своим голосованием присвоение имени М.В. Ломоносова этому вузу? Повторим, что из официальной биографии этого ученого следует, что он никогда в Архангельске не жил, не учился, не работал. Какими красноречивыми эпитетами наградил бы Михаил Ломоносов современных архангельских чиновников от образования, употребляющих его имя в своих сиюминутных целях (вероятно, «многими бранными и ругательными словами, называя их плутами и другими скверными словами», которыми он называл астронома Х.Н. фон Винсгейма).

Главное заключается в том, что присвоение имени известного ученого этому вузу ничего не изменило. Имя М.В. Ломоносова не смогло приукрасить скромные результаты

научной деятельности этой образовательной организации (личное мнение, субъективное суждение автора). Сколько коренных архангелогородцев, академиков Российской академии наук, членов-корреспондентов Российской академии наук, подготовлено и каждодневно работают в САФУ? Ответ, весьма печальный для этого вуза, известен. В Архангельске, недалеко от САФУ, расположен Северный государственный медицинский университет, где работают ученые-архангелогородцы, имеющие высокие научные звания академика Российской академии наук, членов-корреспондентов Российской академии наук, другие известные в России и за ее пределами ученые [5]. Поэтому медицинскому университету не нужно «прикрываться» именем кого-то из известных российских ученых.

Может быть пора переименовать этот провинциальный архангельский вуз, удалив из его названия упоминание о известном российском ученом, не имеющим какого-либо отношения ни к этой образовательной организации, ни к городу Архангельску, сохраняя память о Михаиле Васильевиче Ломоносове, чье имя неразрывно связано с созданием Московского университета, с историей отечественной науки?

Библиографический список:

1. Габидулин Р.С., Максимов А.М., Спасенников Б.А. История науки России: монография. – М.: Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко, 2022.
2. Спасенников Б.А. Медицинское право: национальное руководство. – М.: Национальный медицинский исследовательский центр хирургии имени А.В. Вишневского, 2024.
3. Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера. 2-ое издание. – Архангельск: Издательство «Правда Севера», 2007.
4. Щуров Г.С. История Отечества (1861-2005 гг.): учебное пособие для вузов. – Архангельск: Издательство «Правда Севера», 2006.
5. Щуров Г.С., Сидоров П.И. Медицинский образовательный и научный центр Европейского Севера России (1932-1987). Том 2. – Архангельск: Издательский центр СГМУ, 2002.

© Спасенников Б. А., 2025